

УДК 81'23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

В.М. Беляева

Тверской государственной университет, Тверь

Модели хранения и доступа к многозначному слову в ментальном лексиконе рассматриваются в связи с проблемой разрешения неоднозначности при выборе слова носителем языка.

Ключевые слова: ментальный лексикон, модели доступа к слову, хранение неоднозначных слов в ментальном лексиконе, модели обработки информации, разрешение лексической неоднозначности.

Процессы доступа к слову в ментальном лексиконе являются предметом исследований, нацеленных на изучение проблемы снятия лексической неоднозначности носителем языка. Процессы выбора слов из ментального лексикона при продуцировании речи трактуются в таких терминах, как: *lexical encoding*, *lexical access*, *lexical retrieval*, *lexicalization*, *lexical choice*. Анализируя исследования лексического доступа в контексте истории вопроса, Дж. Филд выделяет три различные традиции: модульную или автономную (путь обработки информации «снизу вверх»), приоритет контекстной информации (путь «сверху вниз») и теорию распространяющейся активации, которая предполагает, что на протяжении всего процесса обработки задействуются оба источника данных [3]. Согласно первой модели, каждый уровень, на котором происходит обработка языковой информации, функционирует независимо от других уровней. Иными словами, на каждом уровне достигается конечный результат обработки, который передаётся на более высокий уровень, т.е. сначала последовательность звуков распознаётся исключительно на уровне фонем и только после окончания обработки передаётся на следующий уровень – лексический и так далее. Эта модель соответствует метафоре обработки информации «снизу вверх». Однако, в действительности всё намного сложнее. Так, некоторые авторы утверждают, что обработка минует уровень фонем, сразу переходя на уровень слогов. Альтернативная теория рассматривает обработку языковой информации как интерактивный процесс, что, по меньшей мере, подразумевает, что информация на одном уровне может непосредственно влиять на обработку информации на соседнем уровне (как более высоком, так и более низком).

Данные об успешности этих моделей противоречивы. Некоторые авторы полагают, что путь «сверху вниз» используется только для проверки информации, обрабатываемой на пути «снизу вверх», другие утверждают приоритет обработки «снизу вверх», считая, что контекстная

информация вовлекается только при получении достаточных данных снизу [3: 130–158].

В связи с представлениями о хранении и доступе к неоднозначным словам в ментальном лексиконе в научной литературе рассматриваются различные модели разрешения неоднозначности (*ambiguity resolution*). Основываясь на результатах собственных экспериментальных исследований, Автор работы [13] рассматривает три подхода к модели снятия неоднозначности при восприятии слова индивидом: полного, упорядоченного и выборочного доступа (*exhaustive, ordered and selective excess*). Согласно первой модели, в сознании реципиента при восприятии неоднозначного слова могут быть активированы все его значения одновременно, и только после этого реципиент выбирает нужное значение, подходящее по контексту. Данная модель получила название *концепции лексикализма*, в соответствии с которой в лексиконе должна присутствовать вся информация, касающаяся действительного, возможного и вероятного поведения слов [5: 319]. Исходя из второй модели, вначале активируется основное, наиболее частотное значение многозначной лексической единицы, и лишь потом, если оно не подходит по контексту, активируется другое значение слова. И наконец, третья модель предполагает, что нужное значение слова мгновенно выбирается индивидом, в случае предоставления подходящего контекста (*appropriate context*) [12]. При этом в роли контекста может выступать одно слово, словосочетание или сразу целое предложение: *to read a book – to book a ticket* (многозначное слово *book* реализуется в двух значениях: 'книга' и 'бронировать'; *I can do it – I'd like a can of coke* (слово *can* реализуется в значениях 'мочь, уметь' и 'жестяная банка').

В работе [3] представлены модели последовательного и альтернативного доступа к ментальному лексикону индивида. Согласно первой модели, различные «словарные статьи» обрабатываются до тех пор, «пока для слышимого или читаемого слова не будет найдено соответствие». При этом отмечается, что на расположение слов в ментальном лексиконе и время, затраченное на выбор нужного значения, влияет не только сходство форм слов, но и частотность: известно, что высокочастотные слова распознаются быстрее, чем низкочастотные. Если контекст предложения указывает на более частотное, основное значение слова, остальные значения, хранящиеся в ментальном лексиконе, могут быть неактивными. Если же в контексте представлено менее частотное, второстепенное значение многозначной лексической единицы, активированы могут быть все известные значения [цит. раб.: 71].

Согласно модели альтернативного доступа, предполагается, что он осуществляется параллельно: в ходе поиска из лексикона извлекается большое количество похожих слов, которые одновременно сопоставляются с читаемым или слышимым словом. При этом значения много-

значного слова находятся в состоянии конкуренции друг с другом, которую описывают как активацию лексических единиц. Активация слова усиливается, если оно является высокочастотным, а также имеет меньше слов-конкурентов. Так, при чтении медленнее распознаются такие слова, как *head*, конкурирующие с целым рядом слов (*hear, heat, hear, heal*), нежели слова типа *heed*, которое при чтении слева направо конкурирует только с одним словом – *heel* [цит. раб.: 104].

Доступ к единице ментального лексикона можно рассматривать в терминах процесса извлечения из лексикона «словарной статьи» [3: 70]. Существует свидетельство того, что омонимы ассоциируются с отдельными «словарными статьями» («lexical entries») в ментальном лексиконе индивида, хотя считается, что выбранная статья интегрируется в более обширную модель дискурса [14]. Что касается полисемии, есть разные точки зрения на то, имеет ли каждое значение многозначного слова собственную «словарную статью» или же все значения хранятся в одной статье ментального лексикона [там же].

Как отмечается в работе [1], некоторые учёные полагают, что слово присутствует в сознании во всей системе значений, узуальных и потенциальных, готовых при необходимости всплыть на поверхность. Подобная лексикоцентрическая точка зрения была высказана в своё время В.В. Виноградовым [2: 17] и поддерживается ведущими когнитологами, занимающимися исследованием многозначности. Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой в лексиконе присутствует базовое, начальное значение полисеманта, а производные значения выводятся в соответствии с определёнными правилами, которые также хранятся в сознании. Данная теория берёт своё начало в психолингвистических исследованиях начала 1970-х годов [1].

Так, А. Караматта и Е. Гроубер, рассматривая полисемию с точки зрения психолингвистики, полагают, что было бы неэкономно держать в памяти все значения многозначного слова, поэтому в ней хранятся только фиксированные абстрактные стержневые значения, а от них производятся конкретные значения в соответствии с данным контекстом. Учёные обнаружили зависимость между степенью развития полисемии лексемы и степенью абстрактности её стержневого значения: эти стержневые значения будут отличаться по степени абстрактности, которая в свою очередь предопределяет степень вероятности допущения полисемии; чем более полисемантична репрезентация, тем более она абстрактна и наоборот, чем менее она полисемантична, тем менее она абстрактна [4: 200].

По мнению Дж. Нанберга, ментальный лексикон – это «упрощённый список, в котором каждое значение ассоциируется с некоторым фиксированным значением по договоренности (by convention)» [7]. Дополнительные прочтения слова воспринимаются как омонимы или как

лексико-семантические варианты слова. Нанберг утверждает, что различные значения слова должны рассматриваться как варианты, связанные по определённой схеме; при этом ни один из вариантов не является центральным. Значение слова в некотором смысле неопределённо, а процедура его идентификации совпадает с определением референта и оценкой его функции [там же].

П. Норвиг и Дж. Лакофф рассматривают полисемию с точки зрения понятия «семейное сходство», полагая, что абстрактное нейтральное значение, общее для всех вариантов, невозможно [6]. По мнению исследователей, варианты слова связываются в сеть (network), где центральное значение отнюдь не центр сети. Они приписывают центральный статус одному концептуальному варианту слова, а остальные варианты рассматривались как производные от него. Под центральным понимается «доминирующее значение, точка семантического отсчёта, от которой остальные варианты могут быть образованы путём привнесения минимальных семантических отличий» [6]. Как отмечает Е.Л. Боярская, в соответствии с этим подходом даже сильно различающиеся и, казалось бы, не связанные производные значения полисеманта могут быть связаны посредством промежуточных, семантически близких вариантов. Структура сети, предложенной П. Норвигом и Дж. Лакоффом, напоминает «дерево», хотя многие другие лингвисты (например, Дж. Тайлор) предпочитают термин «цепь» (meaning chain). Переход от варианта к варианту происходит в направлении от центрального варианта к производным [1].

Говоря о приоритете контекстной информации, стоит упомянуть так называемые «эффекты контекста» (context effects), которые, так или иначе, наблюдаются во всех экспериментах на снятие неоднозначности. Однако проблема заключается в выяснении того, как именно момент включения контекста влияет на обработку слов-кандидатов для принятия окончательного решения. В ходе эксперимента, проведённого Д. Суином, было установлено, что даже при появлении слова в однозначном контексте у реципиента возникают ассоциации с несколькими значениями слова. Предварительно автором были отобраны *equibaised words* – слова, имеющие два значения, которые никак не пересекаются в обычной речи, т.е. невзаимозаменяемые лексические единицы (например, слово *bug*, в различных контекстах было реализовано в значениях ‘жук’ и ‘подслушивающее устройство’) [12]. В цитируемом исследовании было показано, что контекстная информация используется после того как человек автоматически получает доступ ко всем возможным значениям многозначного слова. Таким образом, признавая за контекстом существенное значение в преодолении неоднозначности, исследователи не склонны его преувеличивать.

В другом эксперименте, проведённом Дж. Симпсоном [10], неоднозначное слово предъявлялось испытуемым (далее Ии.) в паре с двумя разными словами, которые определённым образом перекликались с одним из двух наиболее распространённых значений неоднозначного слова. Одним из примеров в его исследовании является слово *bank*, предъявленное Ии. в следующих комбинациях: *bank – money* и *bank – river*. При этом по результатам, приведённым в цитируемом исследовании, утверждается, что слово *bank* чаще употребляется в значении 'банк', нежели 'берег'. Вначале Ии. предъявлялось само неоднозначное слово (the prime), а через определённые доли секунды – предъявлялось слово-напарник (the target). По результатам этого исследования Симпсон пришёл к выводу, что при предъявлении неоднозначного слова его значения извлекаются по очереди, причём более частотное значение слова извлекается первым в том случае, если присутствует подходящий контекст. Однако, более поздние исследования Дж. Симпсона и К. Бёрджесса показали, что хотя при отсутствии определяющего контекста первым активизируется более частотное значение слова (через 16 миллисекунд), чуть позже (через 100 миллисекунд) активизируется и второе [11], т.е. открывается доступ ко всем доступным значениям неоднозначного слова.

Эффекты контекста и их воздействие на разрешение лексической неоднозначности исследовались Р. Шваневельдом и К. Бекером [9]. В данном эксперименте слова предъявлялись Ии. в «тройках» (triplets), одно из трёх слов было неоднозначным. После того как лексическое решение относительно первого слова было принято, предъявлялось второе, а потом и третье слово, при этом неоднозначное слово было первым или вторым в тройке: *save – bank – money*; *river – bank – money*. Использовались и слова с «нулевым лексическим уклоном» (null bias), в таких тройках не было определяющего слова, которое каким бы то ни было образом перекликалось с семантическим полем неоднозначной лексической единицы: *river – date – money*. Результаты исследования показали, что при наличии совместимого микроконтекста (concordant context), обеспеченного семантическим уклоном (semantic bias) *save* и *river* соответственно, слово *money* не оказывало влияние на принятие решения о значении слова *bank*. Однако по данным другого эксперимента [8], проведённого также на примере сочетаний «троек», было доказано, что оба слова с семантическим уклоном (semantic bias) оказывали влияние на принятие решения о значении неоднозначного слова, другими словами, происходила активация обоих конкурирующих значений неоднозначного слова.

Исследования природы путей разрешения лексической неоднозначности представляют большую ценность для объяснения процесса понимания как письменной, так и устной речи. Проблема неоднознач-

ности слова и её преодоления представляет научный интерес в контексте овладения неродным языком.

Список литературы

1. Боярская Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности [Электронный ресурс] // Вестник БФУ им. И. Канта. Вып. 2, 2010 URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/68f/icpxjaptymnborue%20ha.wv._19-27.pdf (дата обращения: 05.04.2014).
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Изд. 2. М., 1972. 601 с.
3. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / пер. с англ. М.: URSS, 2012. 344 с.
4. Caramazza A., Grober E. Polysemy and the structure of the subjective lexicon // *Semantics: theory and application* / Ed. by C. Rameh. Washington, 1976. Pp. 181–206.
5. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: Chicago University Press, 1987. 233 p.
6. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
7. Nunberg G. The-non-uniqueness of semantic solutions: polysemy // *Linguistics and Philosophy*. 1979. Vol. 3. Pp. 143–184.
8. Oden G., Spira J. Influence of context on the activation and selection of ambiguous word senses // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1983. Vol. 35a, № 1. Pp. 51–64.
9. Schvaneveldt, R., D. Meyer and C. Becker. Lexical ambiguity, semantic context, and visual word recognition // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1976. Vol. 2. Pp. 243–250.
10. Simpson G. Meaning, dominance, and semantic context in the processing of lexical ambiguity // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1981. Vol. 20. Pp. 120–136.
11. Simpson G. and Burgess C. Activation and selection processes in the recognition of ambiguous words // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1985. Vol. 11(1). Pp. 28–39.
12. Swinney D. Lexical access during sentence comprehension: (Re) consideration of context effects [Electronic resource]. 1979. URL: lcnl.ucsd.edu/LCNL_main_page/Publications_PDF/1979_Swinney.pdf. (accessed at: 27.01.2013).
13. Van Petten C. Lexical ambiguity resolution [Electronic resource] URL: www.u.arizona.edu/~vanpettc/reprints/lexamb.pdf (accessed at 08.02.2014).

14. Zwaan R. A., Madden, C. J. Perceptual Representation as a Mechanism of Lexical Ambiguity Resolution: An Investigation of Span and Processing Time // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2006. Vol. 32. № 6. Pp.1291–1303.

LEXICAL AMBIGUITY RESOLUTION IN PSYCHOLINGUISTIC STUDIES

V. M. Belyaeva

Tver State University, Tver

The models of storage and lexical access to ambiguous words are viewed in connection with the problem of lexical ambiguity resolution in the process of word selection by a native speaker.

***Keywords:** mental lexicon, models of word access, storage of ambiguous words in the mental lexicon, models of information processing, lexical ambiguity resolution.*

Об авторе:

БЕЛЯЕВА Виктория Михайловна – аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: Victoria.n1@yandex.ru